

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №12 ГАЗЕТА

Михаил Попов / Трое неизвестных

ПОПОВ Михаил Михайлович

Автор большого количества книг, среди которых исторические и фантастические романы, и романы в стиле «нового реализма». Наиболее известны и неоднократно переиздавались: «Пир», «Тамерлан», «Огненная обезьяна», «Пора ехать в Сараво», «Вивальди». Лауреат премий: имени Платонова «Умное сердце», имени Ив. Бунина, премии Московского правительства, международной премии Москва-ПЕННЕ и др. Произведения переведены на китайский, английский, французский, арабский, немецкий, латышский языки. Неоднократно экранизировались. Фильм «Арифметика убийства» по повести М. Попова «Племянник» получил Гран-при на фестивале «Киношок».

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

ВАДИМ КОЖИНОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вадим Кожин — легендарная фигура в отечественной культуре XX века. Харизматичный «шестидесятник», глубокий эрудит и рьяный публицист. Для кого-то — властитель дум, для кого-то — деятель «нерукопожатный». Авторитетный филолог, великолепный знаток русского классического стиха, открыватель новых имён в современной поэзии. Личность противоречивая, но настолько самобытная и яркая, что факт переиздания его книг не может остаться без резонанса. В своих работах Кожин всегда подчёркивал, что неотъемлемой особенностью отечественной культуры является то, что «в начале всегда было Слово». Он утверждал, что русская культура уникальна. В своём творчестве он уделял большое внимание развенчиванию антироссийских мифов и исторических штампов.

В Ярославском издательстве «МедиаРост» вышли самые, пожалуй, востребованные научно-популярные и публицистические труды Вадима Кожина. Они выстроены как своеобразная трилогия. Действительно, и сам автор мыслил свои книги как взаимосвязанные, если не формально, то по существу. Об этом писал на страницах журнала «Наш современник» исследователь жизни и творчества Вадима Кожина из-

вестный критик и литературовед Сергей Куняев, работавший в составе редакционной группы над подготовкой издания.

«История Руси и русского Слова» открывает перед читателями широкую историческую перспективу — от летописной древности до драматичного XX века. Понятия «История» и «Слово» автор зачистую принципиально пишет с прописной буквы — как символ и как

высшую ценность. Слово отражает Историю, История воплощается в Слове. Темы исследования — пути русского исторического самосознания, власть над умами и государственное строительство, конфликты и плодотворное взаимодействие культур: древнерусской, византийской, монгольской, хазарской... Речь заходит о наиболее судьбоносных событиях и наиболее важных текстах (как письмен-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №12 /1929/ Основана в 1927 г.

Михаил Попов

Трое неизвестных

Трое неизвестных

Их поселили в одной комнате гостиницы «Спутник» на Всесоюзном совещании молодых писателей. Три подающих надежды сочинителя. Миша Вартанов из Ростова, Сережа Садофьев из Бологого и Леша Шардаков с далекого курильского острова. Что они сочиняли? Да, в общем, все называли себя поэтами, а дальше — как судьба распорядится.

За те несколько дней, что продолжалось пышное советское совещание, они здорово сдружились и единогласно решили, что не пойдут на последнее общее мероприятие, большой сбор в зале для конгрессов гостиницы «Спутник». Там предполагалась массовая раздача заслуженных слонов представителями писательского руководства. Миша, Леша и Сережа своих небольших наградных животных уже получили — вызов на экзамен в Литературный институт по прохождении творческого конкурса — и решили потратить последний день в столице с пользой. Посетить ЦДЛ, Дом писателей на улице Воровского, что неподалеку от метро «Баррикадная».

Вартанов лучше всех ориентировался в Москве, Садофьев и Шардаков последовали за ним.

ЦДЛ они нашли легко, но, как тут же выяснилось, внутрь пускали не всех. Только членов Союза и пришедших с ними женщин.

Парни загрузили.

Садофьев и Шардаков закурили. Вернее, закурил Шардаков, невысокий, крепкий, загорелый островитянин, весь в каких-то царапинах, как будто прорывался в литературу прямо из непроходимой тайги. Садофьев составлял ему компанию. Он был выше ростом, с волосами до плеч, серо-голубыми глазами и одет в польские джинсы, белую куртку, в отличие от Шардакова, носившего черный, душный костюм провинциального модника с огромными лацканами.

Вартанов же успел завязать разговор с кем-то из числа вившихся у входа личностей. Он обращал на себя внимание отличным джинсовым фирменным костюмом и располагал к общению приятным, вкрадчивым голосом. Собеседником его был некий примерно двадцатипятилетний тип в белых полусапожках на каблуке и распахнутой до пупа клетчатой темной рубашке.

- Все в порядке, — сказал Вартанов, подходя к своим. — Это Юра, он нам поможет.
- Он писатель? — недоверчиво спросил знающий жизнь Шардаков.
- Он нас проведет, — уклончиво сказал Вартанов.

— Ну что, пошли? — подал голос, подходя кавалерийской, можно даже сказать, чуть-чуть гарцующей походкой, Юра.

Оказалось, что, хотя Юра пока еще не являлся членом Союза, он знал все тайные пути в буфет ЦДЛ.

Они двинулись в сторону площади Восстания. Вартанов решительно, Садофьев с таким выражением — будь что будет. Один Шардаков был в сомнении:

— А если нас спаают? Еще запомнят.

Юра весело расхохотался. Кажется, его уже не раз спаивали.

— Ты же сам хотел сюда. Нельзя отступать. Неудовлетворенные желания — это яд для организма, — настаивал Вартанов.

Они обошли полквартала и остановились перед монументальным крыльцом. На него, величественно кивнув швейцару, вышел... они сразу его узнали: Сергей Михалков.

— Ничего себе! — непонятно что имея в виду, сказал Садофьев.

— Только себе, и все только себе, — мелко скалмбурил Юра и поманил за собой своих сусанинцев. Они вошли в подворотню, открыли дверь в стене и по очереди нырнули внутрь. Шардаков попридержал Мишу Вартанова:

— А чего он так ради нас старается?

— Гос-споди, да он падает нам на хвост, только и всего. За провод.

— А-а...

Возбуждаемый приятными предвкушениями местный сталкер Юра что-то бормотал про «тропу Доброскокина» и еще что-то, вновь обретенные друзья терпеливо следовали вслед за ним по каким-то узким коридорчикам, поворачивая в неожиданных местах. На очередном таком повороте Юра вдруг замер, как будто его каблуки провалились в паркет. И он прошептал гневно и беспомощно:

— Гена!

И действительно, впереди показался невысокий человек в серой паре, с бабочкой под подбородком. Если его как-то и можно было назвать, то именно Геной.

— А ты что здесь делаешь? — спросил он скукожившегося Юру. — Так, молодые люди, давайте-ка на воздух. Ты уже бригадами стал сюда водить. — Это уже опять к Юре.

Когда все оказались на улице, Юра довольно долго оставался среди обманутых клиентов, пытаясь им объяснить, что сам по себе план был великолепен, но это Гена, замдиректора ресторана, совершенно неожиданно оказался в библиотечном коридоре, хотя все знают, что он в жизни не прочитал ни одной книги.

К Юре все сразу потеряли интерес.

Шардаков закурил.

Вартанов пляснул на вывеску Театра-студии киноактера на другой стороне улицы.

Один Садофьев старался хоть как-то смягчить неудачу Юры, подкашливал его речам и кивал белокурой шевелюрой.

Но тут кое-что произошло. У парадного крыльца остановилось такси, и оттуда солидно, можно сказать, увесисто выбрался сорокалетний мужчина в белом костюме. Молодые люди отреагировали на его появление по-разному. Юра куда-то слинял, а трое неудачников смущенно потупились. Им было неудобно, что руководитель их семинара застает их в этом значном месте, вместо того чтобы найти на подведении итогов Всесоюзного совещания.

— А, вы уже здесь, — сказал Молоканов, захлопнув дверь авто. — Скоро поняли, где тут масло на бутерброде.

Троица молчала.

Руководитель, кажется, не был склонен к нравочениям, к тому же был без компании, и посмотрел на литературную молодежь именно в этом смысле.

— Что, не можете пройти?

— Именно, Анатолий Анатольевич, — подрулил к нему Вартанов.

— Ну так пошли со мной.

Обретя в лице Молоканова Вергилия совершенно другого уровня, компания застучала каблуками по ступеням, продолжая чуть-чуть побаиваться рослого, фигуристого швейцара. Тот даже не пикнул.

Фойе. Сплошь черное дерево и зеркала. У зеркала стоял крупный, холерный человек и аккуратно поправлял мизинцем усы.

Молоканов, не посмотрев даже, слышат ли его семинаристы, был уверен — слышат, громко произнес в спину любующемуся собой:

— Привет мировому сионизму!

Тот не растерялся и сытым, благодным голосом поинтересовался:

— От кого?

Молоканов и тип у зеркала захохотали.

Спутники Молоканова оторопели, они привыкли там, у себя в провинциальных палестинах, что «эти» разговоры ведутся осмотнительно, как бы из-под полы, а тут такой блестящий публичный выпад. Что скажешь, Москва, тут у них все по-особенному. Что ж, надо привыкать. И Анатолий Анатольевич вошел.

В этот послеполуденный час отделанный благородным темным деревом зал ресторана был наполовину пуст. Там и сям клубилось несколько небольших компаний, с одной шутиливо, по-домашнему беседовала официантка, в другой вдруг возвысился некий господин с бокалом. Тост.

На Молоканова и его гостей обратили внимание, официантка кивнула белому костюму, мол, одну минуточку, и действительно приблизилась буквально через пару секунд.

— Ну, выбирайте, — обратился Анатолий Анатольевич к молодым людям. И к официантке: — Для меня и моих молодых друзей.

Им был предложен уютный четырехместный стол в углу, подальше от прохода. Они уселись, осторожно ощупывая ягодицами мягкие стулья. Осторожно разобрали меню, с интересом поглядывая на глянцево-страницы.

— Это так, для порядка, — продолжал солировать Анатолий Анатольевич. — Пускаем в дело малый джентльменский набор. Запоминайте, долгие годы вам придется прибегать к нему. В общем, так, Наташа, — обратился он к официантке, — для начала картошечка разварная с селедочкой, это первая местная закуска, без нее никак нельзя. Потом, поскольку мы обедаем, нам всем по соляночке. По мясной соляночке. Такой солянки вы, поверьте мне, нигде есть не могли. Дальше тарталетки, сыр-ные и с паштетом, по восемь штук. Соления, капуста гурийской и ну как обычно. И — корейка, всем корейка.

— Что это? — спросил недоверчивый Шардаков. Садофьев ткнул его локтем в бок: да ладно, мол, тебе.

Анатолий Анатольевич не удостоил его ответом.

— И пить, пить, конечно, будем водочку.

— Я бы вина выпил, сухого, красного, — осторожно подал голос Вартанов.

— Вы спорили со мной на семинаре, когда речь шла о том, как строится стихотворение? А как строится цэдээловский обед, я знаю еще лучше. Наташа, нам графинчик.

— Одну минуту.

— А хлеб? — подозрительно спросил Шардаков.

— Ты бы еще рюмки попросил, — усмехнулся Вартанов, явно более опытный в ресторанном обиходе.

— Ну-с, — бодро сказал Молоканов, поднимая в руке графин и оглядывая дымящийся солянками стол, — за успешное окончание семинара.

Выпили, и довольно быстро, сообразно тому, как действовала водка, молодые люди обрели себя за столом.

— Вы довольны результатами? Кстати, почему вы не на подведении итогов?

— Сегодня вечером у кого самолет, у кого поезд, — сказал Садофьев, жмурясь от удовольствия: солянка была очень вкусная.

— В институт надо подготовиться, — пояснил Шардаков, катая во рту маслину.

— Вам же еще экзамены сдавать. Творческий конкурс вы прошли, а «жи-ши» отвечать придется. Хотя, — Молоканов снова налил водки, — главное — все-таки конкурс творческий, на экзаменах никого не валят.

Выпили.

— Вы, кстати, деньги на обратную дорогу отложили? А то будете голодать в пути.

— Я самолетом. Мне десятка хватит.

Молоканов ухмыльнулся:

— Как говорит современный гений Андрей Георгиевич Битов, на десять рублей можно и не улететь.

Поняв, что острота не полностью дошла до молодых людей, Анатолий Анатольевич вновь поднял графин:

— Кстати, «Шагреновую кожу» читали?

— Ну, читали, — с некоторым вызовом ответил Садофьев, спеша перехватить честный ответ Шардакова.

Руководитель семинара вдруг слегка помрачнел, впал в подобие философского настроения:

— Знаете, ведь жизнь наша — это своего рода шагреновая кожа, это поначалу кажется, что все впереди. Вот с какого-то момента начинаешь замечать — стала убывать, убывать, и, в конце концов, всего-то и остается желать, чтобы вокруг было «чисто и светло».

— Это Хемингуэй, — подловил руководителя Садофьев.

Руководитель посмотрел на него, молча выпил и тут же вернулся в привычное праздничное состояние.

— А знаете, почему меня одолевают такие мысли?

— Не знаем, — сказал Шардаков.

— Знаете, где мы с вами сейчас обед кушаем?

Молодые люди молчали.

— Это помещение знаменитой Олсуфьевской ложи. Массонской, естественно.

Ученики напряглись с рюмками в руках, с интересом глядя на учителя.

— Толя! — раздался голос, и к столу подошел невысокий рыжий человек в голубом клетчатом костюме. — Я тебя уже полчаса жду.

— А-а, прошу любить и жаловать, — повел рукой, оснащенной рюмкой, в его сторону Молоканов. — Совесть земли русской и по совместительству ее же и гений.

Рыжеволосый сердито нахмурился:

— Я жду тебя наверху. — И начал подниматься по крутой узкой лестнице с перилами, что вела на антресоли ресторанного зала.

— Так вот, молодые люди, что-то я хотел вам сказать, но, кажется, не скажу. Скажу другое, в духе дня, но вы меня послушайте.

— Слушаем, — сказал Шардаков, сияя всеми своими шрамами и царапинами.

— Бегите отсюда, пока не поздно, на просторы большой жизни, а то завязнете тут, как мухи в янтаре. После этого он хлопнул рюмаху, потыкал вилкой в кусок капусты у себя на тарелке и встал.

— Ну что ж, хорошего помаленьку.

— Понемножку, — вежливо и тихо поправил Садофьев.

— А я отправляюсь в клуб четырех коней.

И ушел, оставив весьма противоречивое о себе впечатление.

Молодые люди заказали еще один графинчик, а потом и еще. День медленно клонился к закату.

— А я все равно приеду поступать, — суммируя свои сомнения, сказал Шардаков во время одного из тостов.

— А чего ты, там же у тебя на Итурупе красиво: север.

— Сам ты север.

— А у нас в Ростове хорошо, абрикосы пошли.

— А у нас ничего не растет, — вздохнул Садофьев.

— Все же здорово, ребята, что мы так напали друг на друга, даже расставаться не хочется, — вдруг расчувствовался Шардаков.

Следующий графин официантка нести им отказалась и вежливо намекнула, что им, в общем-то, пора собираться.

Вартанов все время крутил головой, непонятно что стараясь углядеть. Хотя, в общем, понятно. Еще на семинаре он высмотрел пару симпатичных девиц и теперь рассчитывал, что они появятся здесь. Зал уже был полон, и в воздухе стоял сдержанный, благородный гул, как от работы большой группы компьютеров, сказал бы я, если бы это сравнение было уместным хронологически.

— А меня никто дома не ждет, — пустил вдруг слезу Шардаков.

— То есть? — заинтересовались друзья.

— Совсем. Мамка со своим хахалем, она, кажется, даже не заметила, что я куда-то укатил.

— Мальчики, на воздух! — пролетел над головами зов официантки.

Они поднялись, как карбасы на волнах, медленно пошли к выходу.

— Стой, а там что? — сообразил Вартанов, указывая вглубь помещения. Оказалось, что там коридор, занятый слева стойкой. Тут им оказались неожиданно рады. Тут торговали в розлив. Шардаков решительно потребовал три по пятьдесят все той же водочки. Они встали, неудобно облокотившись на стойку, вокруг все плавало, бегали официантки, перемещались какие-то люди под покровом своего литературного авторитета. А откуда-то из конца этого помещения, с противоположной ресторану стороны, катил шум морского прибоя или, может быть, племенного становища в момент объявления привала.

— И собака моя сдохла.

— Белый Клык? — поинтересовался Садофьев.

— Клыки белые, да.

— А лететь сколько?

— Четырнадцать часов. И то если погода будет.

— Слушай, а чего тебе туда тащиться? — предпримчивость Вартанова нашла для себя работу. — Едем сейчас в аэропорт, сдаешь билет и давай ко мне в Ростов.

Шардаков задумался.

— А я? — спросил Садофьев.

— И ты, — сказал Вартанов. — Бологое — это знаешь... — Он неопределенно махнул рукой.

— Там поезда, — любя точность, заметил Садофьев.

Одним словом, радикальная идея овладела умами и была воплощена в жизнь. Молодые гении добрались до аэровокзала, что возле метро «Аэропорт», и уже, можно сказать, под покровом ночи сунулись в кассу возврата, где им охотно обменяли билет Шардакова на остров Итуруп с пересадкой на Сахалине на девяносто рублей новенькими десятками. То, что десятки были новенькие, как-то намекало, что теперь начинается иная жизнь, с новыми приключениями и свежими идеями.

Садофьев попытался еще раз напомнить друзьям, что ему надо бы в Бологое, но кто бы его отпустил. Вартанов прочно взял дело в свои руки. Тут же неподалеку была железнодорожная касса, и они без всяких хлопот и очередей приобрели три билета на ростовский поезд, уходящий из столицы в семь утра.

Вяло пытавшийся вырваться в Бологое Садофьев показал на диск вокзального хронометра — половина первого.

Полупротрезвевший и от этого начавший настаиваться Шардаков тоже выразил сомнение: где-то ведь следовало провести предстоящую ночь.

— Где, где? В Караганде! А ресторан зачем? — Ответил на сомнения друзей Миша и решительно направился к стеклянным дверям местного ресторана.

Как ни странно, в этот сугубо поздний час заведение активно трудилось: понятно, ведь люди летают круглосуточно, и им охота есть и пить.

— Я пить больше не могу, — устало сказал Садофьев.

— А будешь? — поинтересовался Вартанов.

Что интересно — во время этой одиссеи они ничего не потеряли из документов, не забыли, что надо еще заехать за вещами в гостиницу, и успели точно к отходу поезда, находясь в характерном чадном, дымном состоянии. Денег у них уже не было, но зато были билеты. Отступить было некуда. Ни на Итуруп, ни в Бологое. Единственное место на карте великого Союза, где им светил некий огонек, располагалось в Ростове. Туда и покатили.

* * *

За три месяца, проведенных на ростовской земле, молодые гении Леша, Миша и Сережа не только загорели, но и изрядно поработали. Сначала на бахче, потом на уборке яблок, на строительстве асфальтовой дороги. Все «подряды» пробивал Вартанов с помощью своего отца Михал Михальча, человека с феноменальными связями и широкой душой. Поплавать, попить вина и пошустрить с местными девчонками им тоже довелось, так что возвращались они в столицу с несколькими сотнями рублей в кармане каждый. Сережа Садофьев даже и с адресом, по которому он клятвенно обещал писать замечательной девушке Свете. Отца он тоже известили, и тот отнесся с мужским пониманием к его желанию поработать перед институтом. Шардаков даже и не писал никому.

Полные предвкушений и ожиданий, въехали они в столицу.

Тут пошло не совсем по-ровному. Сережа еще на ростовской земле начал растить большой непонятный фурункул на подбородке — занес грязь в рану. Из общежития его отправили в литфондовскую поликлинику, откуда он загремел в больницу, где провалялся пару дней в беспамятстве, на грани заражения крови. Но вылечили, располосовали фурункул, освободили подбородок.

На Шардакова сразу же навалилась учебная часть. Оказывается, институт был засыпан письмами с Итурупа, в них его мама Софья Игнатьевна была тревогу, куда мол, пропал сынок мой милый, единственный. Обвиненный в страшном бессердечии, с врученной пачкой писем Шардаков был отправлен на улицу Руставели, где ему предоставлялось, как иногороднему, общежитие.

Поселился он, естественно, с Мишей Вартановым. Другого выбора не было, Садофьев лежал под капельницей в 69-й больнице и помышлял только о том, как выжить, хотя вообще вряд ли помышлял о чем-то связном.

Семиэтажная глыба здания еще при первом знакомстве, во время экзаменов, поразила воображение Шардакова. Он представлял себе Литинститут маленьким, укромным заведением, что-то вроде острова Итурупа, где все по-домашнему, а тут такие масштабы. Еще у себя дома он прочитал в какой-то старой книжке о Лите, что общежитие его находится вроде бы в Переделкине, всего человек на сорок рассчитано, а тут такая махина. Это некоторым образом как бы слегка обесценивало размер его жизненной удачи.

Вартанову, наоборот, нравилось, что общага в городе, а не в Переделкине: таскаться туда-сюда каждый день.

Садофьева поселили заочно с четверокурсником — комендантом общаги. Тот, видимо, рассчитывал, что Садофьев уже и не возникнет из своего временного небытия, и собирался пользоваться комнатой персонально. Когда же Сергей появился с забинтованной головой, Бардюжин, такая была фамилия у коменданта, очень не обрадовался и стал хлопотать для все же отдельном для себя помещении, в результате чего отдельное помещение досталось и Садофьеву.

Меблированы эти комнаты были старомодно. Столы — как из бухгалтерии районного заготскота. Кровати с железными спинками и пружинными скрипучими матрасами, никогда со времен Маяковского не мытыми окнами и грязно-оранжевыми шторами на этих окнах. То, что в них высилась самая высокая телевизионная вышка в мире, Останкинская, дела не меняло. Паркет с наполовину выбитыми паркетинами и предельно разнокалиберные стулья. В устье комнаты, у выхода в коридор, имелись ящики для продуктов и тараканов, о чем с радостным ужасом сообщил Бардюжину словацкий сту-

дент, прибывший из страны с иными представлениями о гигиене. Словаку отвечали привычно: «Зато уровень духовности какой в стране!»

Сомалиец Кикози был, кажется, всем доволен. По крайней мере, здесь не стреляли.

Места общественного пользования располагались на этаже с почему-то всегда выбитыми окнами. Это немного мешало чистить зубы, особенно зимой.

Миша Вартанов обратил внимание, что железные кровати достались в основном первокурсникам, а у старослужащих можно было видеть в комнатах вполне нормальные деревянные, типа тахты. Он сходил поговорил с кастеляншей, и уже очень скоро и у него, и у его друга Шардакова тоже были кровати как у людей. Садофьев появился позже и поэтому некоторое время маялся на железе.

Семиэтажник и в самом деле представлял собой нечто вроде ковчега. Там жили не только иногородние студенты, но и часть преподавателей, не обеспеченных своим жильем, и даже журнал «Литературное обозрение».

Блуждая по коридорам, заходя в подвальный душ, друзья наблюдали самые разные сцены — от ласк гомосексуалистов, героем которых был знаменитый Вольдемар Романовский, работник приемной комиссии, до не менее знаменитого «танца с веригами», устроенного студентами четвертого курса. Выглядел он так: посреди комнаты садились на пол голые по пояс два бывалых литинститутца и брали на спину по массивной стальной цепи. На раз-два-три начинали концами этой цепи лупить по паркету, приговаривая все громче: «Это Ленин нам дорожку проложил, это Сталин нам тропинку протоптал!»

Больших и малых чудес и красот в коридорах общаги было не счесть, так что нет никакого смысла в том, чтобы их перечислять.

Вартанов и Шардаков завели себе двухлитровую железную кастрюлю, которую каждый вечер наполняли чищеным картофелем, варили с лавровым листом и деловито поедали с портвейном, купленным на заработанные в ростовских степях деньги. Садофьев, выйдя из больницы, естественно, присоединился к их ежевечерним трапезам.

Они держались немножко особняком, но не сказать, что очень уж дичились остальных представителей курса. Забегали к ним, как и ко всем посудачить однокурсники, сладостная сеть сплетен постепенно охватывала общагу. Всех веселил и забавлял сомалийский аристократ Кикози, он настолько плохо знал русский язык, что у него совершенно не было недоброжелателей, все тянулись ему помочь, поопекать. Его любили угощать портвейном, после чего он частенько сидел на подоконнике в коридоре, грозил указательным черным пальцем кому-то неизвестному и приговаривал: «Кикози человек, брать!»

На первых порах его соперницей по части окололитературной славы стала Ольга Нода, поэтесса, ак-

тивно некрасивая, немного хромавшая барышня в длинном свитере до колен и таких тяжелых очках, что они заставляли ее кланяться при каждом шаге. Она выкинула вот что: поехала как-то под вечер с двумя бутылками плохого вина в место массового поселения писателей и постучалась в дом к Андрею Вознесенскому. Единственный поэт, как потом выяснилось, кого она считала себе равней.

Ровни дома не оказалось.

Тогда гостя, будучи человеком упорным и до невероятности худым, влезла к нему в кабинет через открытую форточку и расположилась за его столом со своим угощением.

Вознесенский все не шел.

Тогда Ольга откупила одну бутылку вина и прикончила ее из горла.

Хозяин все не появлялся. Была выпита вторая бутылка. Гостю сморило, и она улеглась спать прямо посреди рукописей.

Надо отдать должное автору «Гойи»: застав такую картину, он оценил силу и креативность поэтического движения молодой поэтессы. Не стал никого звать, а отправил ее в общежитие Литинститута на такси.

Каким-то образом эта история стала известна в институте и сделала Ольгу популярным человеком на некоторое время. Как оказалось, не без основания.

Видимо, она продолжила выпивку, начатую за столом классика, зашла в этом деле очень далеко, прямо на седьмой этаж институтского общежития, откуда шагнула через несколько дней в ночную пустоту.

Или ей помогли шагнуть. Проступали сквозь реальность даже такие слухи.

Не все были потрясены до глубины души случившимся. В частности, уже сделавшийся не очень любимым преподаватель русской литературы Виктор Антонович Богданов. Доставший всех своей любимой шуточкой: «Несмотря на героизм матроса Кошки, Крымскую войну мы проиграли», — он и по поводу ночного полета несчастной поэтессы тоже пошутил: «Пить надо в подвалах». Очень так себе шуточка, но кое-кто хихикнул в аудитории.

Кстати, что писала Ольга Нода, так и осталось неизвестным, кроме одного стихотворения, которое она прочла на первом семинаре, на церемонии общего знакомства. На что другим, значительно более любимым студентами преподавателем Евгением Николаевичем Лебедевым было сказано: «Ворота в литературу открываются иногда совсем даже не стихами».

Страшно волновались на этой самой церемонии знакомства все без исключения новички. Надо было встать, рассказать о себе и дать характерный образец своего творчества.

В аудитории сидел руководитель семинара Александр Алексеевич Михайлов со своей помощницей Галиной Ивановной Седых, бывалый, дружелюбный фронтовик с задорной аспиранткой. Сидели и с очень важным видом старшекурсники. Что они пи-

шут сами, оставалось неизвестным, но подразумевалось, что пишут уже очень умело, даже мастеровито. Были среди них носители славных и даже царственных фамилий, таких, как Карнович-Валуа. Юные поэты даже подумать боялись, каких высот достиг в своем мастерстве такой студент.

Конечно, у любого собрания есть неформальный лидер, и в данном случае им был кудрявый улыбчивый человек с большим ртом и большой свободой в движениях — Алексей Паршиков. Молодежи было неизвестно, что он написал, как и в случае с Валуа, но было совершенно ясно — гений.

Хотя они работали в три памяти, Садофьев, Шардаков и Вартанов сумели запомнить не всех участников того семинара.

Запомнился Саша Логинов, зрелый уже мужик, лет двадцати восьми, чем-то походивший на составившего Шардакова, обветренный северными вихрями, писавший складно и как-то очень натурально, как будто шагнул на семинар прямо из природы.

И Юра Кабанков запомнился, он предложил на всеобщее обозрение маленькую резную шкатулку: «Самый вкусный листок капустный — украл мышон, самые точные часы песочные — украл лягушенок. Хотел я ее в ломбард заложить, чтоб не лукавить, а просто жить, да вот не вышло, а сказку вышло с первым голубем на ветер. P.S. Сказкам не верьте».

Самое сильное впечатление произвел самый молодой из выступавших — львовянин Илюша Кутик. Он уже сидел почти в обнимку с мэтром Лешей Паршиковым и добродушно улыбался. «Дай пережить мне эту осень, и для чего мне страшный дар — страдать за лист, который сносит твоим дыханьем на бульвар».

Руководитель Александр Алексеевич дружелюбно и не ядовито шутил по поводу звучащих строк. Как ни странно, досталось такой незлобивой шуточкой Вартанову: «Стюардесса по имени Нонна, как прекрасна ты и непреклонна». «Это прямо готовый музыкальный хит», — сказал Александр Алексеевич. Правда, трудно сказать, было ли тогда уже в употреблении слово «хит». Садофьев был как в тумане, его история про Бологое почему-то никого живо не заинтересовала, и стихотворение не записалось на пленке памяти.

Шардаков имел несомненный успех со своим Итурупом, а уж когда рассказал о своей встрече с медведем, которая случилась в амурской тайге, восторгам не было предела.

— И что он? — спросил Александр Алексеевич.

— Ну, медведь?

— Медведь как медведь, — пожал плечами Леша.

Стихотворение его больше всего понравилось Паршикову, хотя, например, Вартанов не советовал его читать на этой примерке.

Садофьев тоже не советовал. Хотя бы потому, что половина слов там была из Пушкина: Я вас любил, а

вы меня едва ли. Зачем меня такого вам любить? Вы не бывали у меня в подвале. Вот в чем вопрос: быть или не быть?

Александр Алексеевич так прямо ему и сказал, что отдельные слова и словосочетания просто гениальны.

Аудитория веселилась.

Шардаков после семинара мрачно закурил у окна. К нему подошел Парщиков вместе с юным корифеем Кутиком и похлопал его по плечу:

— Дело Некрасова живет и процветает.

На лице Леша выразилось непонимание, но Парщикова было не сбить.

— Не читал? — сочувственно спросил Леша Лешу.

— Кого? Некрасова или Пушкина? — ехидно присоединился к нему Кутик.

— Не читал, — с вызовом сказал Шардаков.

— На следующий семинар принесу тексты, ознакомишься с учителем.

Роль Парщикова в семинаре была отчасти просветительской, он щедро делился текстами со своими товарищами по перу — Бродский, Флоренский и т.д., — но только с теми, кого считал достойным. Он собирался и в самом деле принести тексты Всеволода Некрасова, но только Леше Шардакову было не до текстов.

Он влюбился.

Тяжело, мрачно и, как тогда казалось почти всем, без шансов.

Были тогда в Лите, помимо поэтов и прозаиков, еще и переводчики, их формировали на базе национальных провинциальных кадров: чуваша, литовцы, марийцы... Но иногда замысел поднимался до уровня стран народной демократии.

Болгарии, например.

И за год до поступления наших трех мушкетеров в институт туда была принята группа молодых переводчиков, а главное, переводчиц из страны дешевых, но хороших сигарет. О парнях еще пойдет речь, они тоже были экземплярами любопытными, но имелась среди них и подлинная звезда, Алка Машкалова.

Шардаков обратил на нее внимание уже в тот самый первый день, первого сентября, когда счастливые и не очень студенты кучковались у забора заведения. Алка стояла в соблазнительной позе — других у нее, иностранки, просто не было, — приставив подошву изящной туфельки к основанию забора, и весело смеялась чьей-то шутке, отбрасывая волосы русского каре за изящное ушко.

Вартанову она тоже понравилась, но Шардаков был поражен глубоко в сердце — настолько глубоко, что сбился с шага и потерял дыхание. Она была невысокая, скорее даже миниатюрная, с чуть длинноватым носом и широко посаженными глазами.

Шардаков понимал всю необратимость случившегося и разницу в их положении в этом мире. Она кто? Иностранка, красавица, второкурсница. А он?

Конечно, он попытался вырвать острие стрелы из закоулков сердца, но оно уходило все глубже. Стихотворение, прочитанное им на семинаре, было не выражением какого-то особого метода поэтического мышления, оно представляло собой непосредственный и очень болезненный крик погибающей души.

За очередным разведением картофеля он на вопрос, что случилось с его аппетитом, разразился откровенной, прочувствованной речью о восхитительной болгарке. Сережа и Миша так и застыли с горячими картофелинами во рту. Во-первых, они, сказать по правде, не считали, что их друг способен на такие сильные и тонкие чувства, а во-вторых... В общем, они попридержали свои затаенные мысли на этот счет.

В ответ на отчаянный крик, что у него нет ну никаких шансов на этом любовном фронте, они не стали возражать слишком яростно. Да, они скорее мялись и выражали всяческие сомнения в успехе предстоящего предприятия. Да и предприятие, насколько можно было понять, непосредственно не планировалось. Леша просто не смел подойти к Алке Машкаловой.

— Что мне делать?

Друзья молчали.

— У нее есть кто-нибудь?

— Элька Буртасова (курсовая сплетница) говорила, что у нее кто-то там остался в Болгарии, — сказал Вартанов. — Но сведения непроверенные.

Легли спать, убежденные, что история эта, вернее всего, перерастет в длительное, мучительно платоническое обожание. На самом деле, красавица и почти чудовище — какие тут могут быть варианты?

Но ошиблись. Уже на следующий день события стали развиваться стремительно. Дело в том, что у Лита была лыжная база в Подмосковье, по Савеловской дороге. Заведовал этим активом Владимир Кириллович, вечно ходивший по аудиториям с заунывными предложениями «прокатиться покататься».

Как раз выпал первый, но достаточно сильный снег. И Машкалова вместе с двумя своими товарками-болгарками решила вдруг проверить, что это такое — русская зима. Записалась у Владимира Кирилловича. Это как-то стало известно Леше Шардакову, и он схватился за такую возможность.

Набил свой коричневый рюкзак портвейном и явился на станцию электрички. Всего лыжников собралось человек пятнадцать, во главе с осанистым, очкастым, речистым руководителем, который намекал, что в далеком прошлом был спортсменом хоть куда. У него карман был набит талонами на питание — таким образом, он держал все дело в своих руках.

Ехали, ржали, Шардаков очень хотел и очень боялся поймать глазами взгляд Машкаловой, предпочитал быть настороже, выглядывать возможных соперников в толпе соучеников. Кажется, никто не претендовал на эту роль. Что было очень странно. Алка сама,

конечно, тоже не глядела в сторону здорового, но, несмотря на бразильские джинсы US Top и красно-белый роскошный шарф, затрапезного парня.

Приехали, расположились.

Несмотря на то, что это была лыжная база, пошли выбирать себе снаряжение. В том смысле, что не сразу уселись пить винише.

Со снаряжением дело обстояло не блестяще. Пару одинаковых лыж еще удавалось как-то подобрать на свалке в углу, но с ботинками была беда-беда, какие-то заскорузлые, с прошлогодними узлами на шнурках. В общем, экипированная хуже, чем итальянская армия Наполеона, делегация Лита выкатилась на мерзлую тропу. Снег начинал уже где-то предательски подтаивать, приходилось не столько изящно скользить, сколько месить грязцу, но, кажется, это никого особенно не беспокоило, все, что ни случилось, было поводом для ржачки.

Шардаков старался держаться поближе к Машкаловой, но не вплотную, чтобы она чего-нибудь не подумала. Однако при таком странноватом поведении у него все же возникла возможность для рыцарского поступка. Молодая, не наезженная лыжня вела себя порой непредсказуемо и на одном из поворотов-спусков вдруг рванула в сторону, раздвигаясь вверх всякой меры, отчего мелкой красотке Алке пришлось встать на четвереньки, разбросав палки в стороны. А он, Леша, тут как тут, подхватил под локоток, поставил в вертикальное положение, подобрал разбросанные палки и вручил предмету своего вождения как букет цветов.

Был благодарный взгляд. Ничего больше. Команда лыжников кое-как двинулась дальше, но Шардаков крикнул себе тихо: «Лед тронулся!»

Вечером был съеден типичный советский ужин, не вызывающий никаких чувств, и толпа уселась в общей гостиной у грубого чугунного камина. Не запомнилось, кто именно, — не Шардаков, он еще не осмелел до такой степени, — предложил «выпить винца», и предложение вызвало радостный ропот.

Сходил за одной из своих бутылок и Леша.

Сидел он в противоположном конце гостиной, а когда вернулся, вдруг заметил, что освободилось местечко чуть поближе к Алке. Он тут же его занял. Предусмотрительно захваченным штопором вскрыл болгарское вино «Варна» и пустил бутылку по кругу.

Машкалова решительно отказалась от одноплеменного вина и остановила свой выбор на «возьми-зубами» — «Вазисубани». Шардаков решил, что все пропало. Куда он сунулся со своим грубоватым выбором! Он бы еще бутылку водки предложил!

Деликатное грузинское вино — вот что было ее выбором. Хотя кислятина редкая.

Стаканов не хватало — глотали из горла.

Обсуждали виноград.

Ах, какой душа В.П. Смирнов и какие дуболомы Пухов и Власенко.

Шардакова подкупало, что ее взгляды совершенно совпадали с его взглядами. Тем более что она была в том же семинаре по текущей литературе, что и он, у того самого Смирнова.

Запасы живительной влаги быстренько истощились.

Нужно было идти за очередной бутылкой. Не хотелось терять относительно удобного места. Но что делать, и он отправился за сладковатой «Тамянкой».

И судьба сыграла на его стороне.

Вернувшись, он смог занять местечко всего через одного человека от нее, от Алки. Да к тому же на этом промежуточном стуле сидела Наташа Груева, тоже болгарская переводчица, приятно опьяневшая и, кажется, посматривавшая в его, Шардакова, сторону благосклонно.

В этот раз Машкалова отнеслась к родному вину с интересом и даже сказала что-то забавное про него, в том смысле, что у болгар есть сто песен про красное вино и всего одна про белое. И звучит она так: «Белое вино, ну почему ты не красное?» И выпила из горла. Он не оценил это как критику своего подношения.

Появился Иван Кириллович и сказал, что студентам пора бы уже укладываться в койки, чем звывал взрыв веселья у потухшего камина.

Еще трижды Шардаков отправлялся в свою комнату к рюкзаку, соседа уже нашел благополучно спящим.

У них с Наташей и Аллой уже составилась маленький кружок, они о чем-то болтали, но уже не представлялось возможным понять и запомнить о чем. Шардаков чувствовал, нужен еще какой-то толчок ситуации. У него была еще бутылка водки «Выборовой» в рюкзаке, но не предлагать же водку?

Как ни странно, предложила Алка, она предложила выпить чего-нибудь «радикального», чтобы можно было последовать совету Ивана Кирилловича.

Водку пили тоже из горла.

Первой отвалилась Груева. На достаточно еще твердых ногах, но уже покачиваясь, эта полненькая болгарская лыжница удалилась в сторону кровати. Она, как оказалась, и была соседкой Алки. Хрупкая Алка сумела сделать еще несколько глотков, приводя Шардакова в восторг и ужас своими способностями.

А потом она предложила ему себя проводить.

Они подошли к двери их комнаты, причем спортсменка поддерживала спортсмена.

— У меня нет кофе, но все же зайдем, — сказала она.

— Зайдем, — ответил Шардаков. Ему несколько облегчало задачу то, что там внутри была уже неплохо ему знакомая Наташа. Когда они вошли, Груева хрюпела, как Чичиков, во всю носовую завертку.

Надо сказать, что совершить то, что совершилось потом, Шардакову было легче ввиду присутствия Груевой; если бы вместо нее хрюпел кто-нибудь другой, он вряд ли бы решился перейти к обниманию и